

XXII.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что наша русская геральдика слагалась подъ вліяніемъ Запада и главнымъ образомъ Польши; но также, какъ и въ другихъ европейскихъ странахъ, она получила и у насъ свои особенности, заимствованныя изъ мѣстныхъ культурно-историческихъ условій.

Хотя понятіе о гербѣ перешло къ намъ изъ Польши и Литвы, но идея, лежавшая въ основѣ польской геральдической системы, не могла найти у насъ полного примѣненія уже и потому, что наша русская геральдика имѣла и свои чисто русскіе источники, а именно древніе знаки, или *знамена*, служившія для означенія родовыхъ владѣній и перешедшія затѣмъ въ печати и, наконецъ, и въ гербы княжескихъ родовъ.

Элементы первобытной геральдики, въ видѣ особыхъ знаковъ для узнаванія другъ друга въ бою, а также для обозначенія разныхъ видовъ собственности, существовали издавна и у насъ,

какъ и у другихъ народовъ Востока и Запада. Такъ наприм. въ Новгородской лѣтописи подъ 1016 г. приводятся слова Ярослава къ дружинѣ: „*знаменайтєся, повивайте себѣ убрусы голову*» (*Новг. I лѣт. 1016 г.*) Безъ сомнѣнія, существовали и другіе отличительные боевые знаки, какъ напр. *червленые щиты* русскихъ воиновъ, упоминаемые въ «*Словѣ о полку Игоревѣ*», и т. под. Въ другой лѣтописи упоминается о томъ, что: «ловища вел. княгини Ольги суть по всей земли *знамяня*, и мѣсты и повосты. (*Пов. времен. лѣтъ 947 г.*). Издавна принято было на Руси обозначать межевыя грани земельныхъ владѣній особыми знаками; (какъ напр. топоръ, лукъ, вилы, борода, косы, мотовило и т. под.), каковыми изобилуютъ наши древнія писцовыя книги. Знаки подобнаго рода встрѣчаются у насъ и на монетахъ. Извѣстны напр. такіе родовые знаки на монетахъ Владиміра Святаго и его сыновей, Святополка и Ярослава ¹⁾. Древній княжескій бытъ не далеко уходилъ тогда отъ быта престонародья тѣхъ временъ. Какъ князь, такъ и смердъ имѣли одинаковаго рода собственности, заключающуюся въ скотѣ, скирдахъ, хлѣбѣ, бортахъ пчель и т. под. На эти предметы являлась надобность *клать знакъ*, указывающій на ихъ принадлежность; отсюда и произошли созданныя самою жизнью *знамена, рьзы и пятна*, примѣнявшіеся на всей собственности князей и распространявшіеся и на чеканившуюся ими монету.

Наконецъ, и у насъ, на Руси существовали съ древнѣйшихъ временъ племя, щиты, кольчуги и другія принадлежности боеваго вооруженія. Однако изо всѣхъ этихъ, перечисленныхъ нами элементовъ, въ силу особыхъ условій нашей культуры, не выработалось геральдическихъ формъ въ видѣ наследственныхъ гербовъ, какъ мы это видѣли на Западѣ. Боевыми символами являлись у насъ исключительно *священныя изображенія*, помѣщавшіеся

¹⁾ Этотъ *родовой знакъ* на монетахъ Владиміра Святаго имѣетъ форму *трезубца, съ крестомъ надъ среднею его чертой*; знакъ этотъ на монетахъ его сыновей представляетъ незначительныя *измѣненія*, которымъ изслѣдователи приписывали значеніе такъ наз. геральдическихъ *brisures*. См. статью А. В. Ортинникова: „*Новые матеріалы по вопросу о западныхъ фигурахъ на древнѣйшихъ русскихъ монетахъ*“. *Археолог. Изв. 1894. № 10.*

на военных знаменахъ, а иногда и на шлемахъ военачальниковъ. (каково напр. изображеніе *св. архистратига Михаила* на шлемѣ великаго князя Ярослава Всеволодовича, или же изображеніе такъ наз. *Дейсуса (моленія)* и святыхъ на княжеской боевой шапкѣ византійскаго типа, XIII вѣка). Такимъ образомъ на боевомъ оружіи нашихъ князей свѣтскія эмблемы, въ силу религиозныхъ взглядовъ, признавались неумѣстными; таковыя допускались иногда на княжескихъ печатяхъ, хотя и на этихъ послѣднихъ все же преобладали священныя изображенія ¹⁾.

Какъ мы уже замѣтили выше (стр. 89), въ нашей русской геральдикѣ печати предшествовали гербамъ и поэтому изученіе чисто русскихъ источниковъ нѣкоторыхъ нашихъ гербовъ болѣе древняго происхожденія находится въ тѣснѣйшей связи съ русскою *сфрастикой*. Слѣдя за исторіею нашихъ печатей, государственной и частныхъ лицъ, мы постепенно приближаемся къ *гербу*, т. е. печати съ признакомъ наследственности, каковой появляется у насъ для частныхъ лицъ не ранѣе эпохи Петра Великаго. Исторія *русскаго государственнаго герба* тѣсно связана съ исторіею печатей Московскихъ государей, служившихъ первоначальнымъ его проявленіемъ.

Употребленіе печатей на Руси вообще восходитъ до отдаленныхъ временъ договоровъ древнихъ Руссовъ съ Греками. Упомянутый нами обычай ставить знаки собственности на великокняжескихъ монетахъ перешелъ и въ болѣе позднюю (XIV—XV в.) эпоху; но только *родовой знакъ* замѣнился изображеніемъ *перстеной княжеской печати*, которая вырѣзывалась на монетномъ штампѣ, вокругъ коего прибавлялась надпись: «печать князя, или великаго князя» и отчеканивалась на монетѣ. Печати, употреблявшіяся удѣльными и великими князьями древней Руси, изображали чаще всего ликъ Спасителя, Богоматери съ Младенцемъ,

¹⁾ Причинъ такой исключительности слѣдуетъ искать отчасти въ самомъ характерѣ нашего древнерусскаго искусства, имѣвшаго исключительно *религиозный*, церковный характеръ, въ противоположность западному. Такъ напр. на Западѣ средневѣковая архитектура изобилуетъ изображеніями животныхъ в различныхъ чудовищъ, въ видѣ наружныхъ прилѣповъ на храмахъ и др. зданіяхъ; у насъ же такія изображенія *запрещаются*, не только въ церквахъ, но и на воротахъ домовъ. См. *Ө. И. Буслаева Сочиненія*, т. I, стр. 28, изд. 1908 г.

или же особенно почитаемаго святаго, обыкновенно соименнаго князю, владѣтелю печати. Но вообще всѣ дошедшія до насъ печати русскихъ князей татарскаго періода носятъ весьма разнообразный и случайный характеръ, что объясняется отсутствіемъ въ тѣ времена понятія о наслѣдственной эмблемѣ или гербѣ. Въ XIV—XV вв. печати не имѣли еще того значенія, которое онѣ стали получать позже, начиная съ Іоанна III, при которомъ понятіе о государственности, а въ связи съ нимъ и наглядное представленіе о ней въ формѣ герба, получило большее развитіе.

Каждый князь, властвуя въ своемъ удѣлѣ, имѣлъ необходимость въ печати, которою онъ утверждалъ, какъ свои договоры съ Москвою и иными городами, такъ и акты своихъ подданныхъ. Если печати эти, первоначально произвольныя, часто видоизмѣнялись, если нельзя положительно сказать, что всѣ онѣ перешли въ гербы, тѣмъ не менѣе было явленіемъ совершенно естественнымъ, что удѣльные князья, утративъ свою самостоятельность и занявъ въ рядахъ Московскихъ служилыхъ людей самое почетное мѣсто, по обычаю, существовавшему издавна, сохраняли въ печатяхъ своихъ изображенія, которыя были первоначально эмблемами ихъ владѣнія тѣмъ или другимъ княжествомъ и получали затѣмъ наслѣдственный характеръ герба. Такимъ образомъ печати предшествовали у насъ фамильнымъ княжескимъ гербамъ, появившимся гораздо позднѣе.

Самостоятельныя области, *Новгородская* и *Псковская* также имѣли свои собственные печати, еще до присоединенія ихъ къ Москвѣ¹⁾. Впослѣдствіи каждая присоединенная къ Московскому

¹⁾ Первоначально печать *Великаго Новгорода* имѣла изображеніе „*отчевиъ ступней*, съ положенныкъ на нихъ посохомъ архіепископа“ и надписью: „*господина Великаго Новгорода*“. Впослѣдствіи къ этому основному изображенію были прибавлены: *медведь* и *собака*, на печати Грознаго, съ надписью: „*печать намѣстника Вел. Новгорода*“ (Таб. Ж ф. 6) и, наконецъ, въ XVII вѣкѣ—*два медведя* и внизу *2 рыбы* (на царскомъ покровцѣ и тарелкѣ царя Алексѣя Михайловича ф. 3. 7.) Любопытно, что въ *Гамбургѣ*, въ числѣ другихъ гербовъ городовъ *Ганзейскаго союза*, сохранился древній гербъ *Вел. Новгорода* съ изображеніемъ *головой фигуры великаго князя*, въ *Мономаховой шапкѣ*. Гербъ этотъ, конечно, иностраннаго происхожденія и у насъ, повидному, примѣненія не получилъ. Гербъ *Псковскій*: *блужущій вправо барсъ*—изображенъ также на печати Грознаго (ф. 6) и на тарелкѣ ц. Алексѣя Михайловича (ф. 10). По мнѣнію *Лангера*, эмблема Псковскаго герба *Ганзейскаго происхожденія*.

государству область получала свсю особую, *путную* печать, (для актовъ, исходившихъ отъ государева имени, изъ разныхъ *путей* центральнаго управленія). Отсюда понятно, что и такия завоеванія, какъ Смоленскъ, царство Базанское и царство Астраханское, по примѣру Новгорода и Пскова, получали немедленно же свои особыя печати. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательна сохранившаяся до настоящаго времени большая печать *Ливонской земли*, на актѣ 1564 года ¹⁾. Печать эта прекрасно выполнена и замѣчательнаго рисунка. Двуглавый русскій орелъ, съ Московскимъ всадникомъ на груди, попираетъ ногами два геральдическихкихъ щита, на одномъ изъ которыхъ—Литовская *погонь*, а на другомъ—мечъ, крестъ на крестъ съ ключемъ. Изъ официальнаго лѣтописнаго объясненія мы узнаемъ и причину помѣщенія этихъ гербовъ. «Того лѣта (1564), говоритъ лѣтопись, повелѣ царь и вел. князь сдѣлати печать въ свою вотчину, Вифляндскую землю, въ градъ Юріевъ, а на печати влеймо — орелъ двоеглавый, а у орла, у правые ноги *гербы*, печать магистра Ливонскаго, а у лѣвые ноги гербы, печать Юріевскаго бискупа» ¹⁾.

Государственная печать, или *гербъ Московскаго государства* установилась, какъ извѣстно, при Іоаннѣ III, послѣ брака его съ греческою царевной Софіей Ѳоминичной Палеологъ, изъ послѣдняго императорскаго рода Византіи. Печать эта двухсторонняя: на одной сторонѣ ея изображенъ скачущій вправо крылатый всадникъ, который поражаетъ копьемъ змѣя; на другой сторонѣ—изображеніе двуглаваго орла съ опущенными распластанными крыльями и съ короной на каждой головѣ. Изъ этой первоначальной государственной печати, чрезъ частичныя видоизмѣненія и дополненія ея, постепенно слагался Россійскій государственный гербъ въ его нынѣшнемъ видѣ. При отсутствіи у насъ до конца XVII в. гербовъ у частныхъ лицъ можно разсматривать нашъ государственный гербъ со входившими въ его составъ областными печатями, или гербами, какъ полное отраженіе нашей русской государственной геральдики въ эту первоначальную ея эпоху.

¹⁾ *Русск. Историч. Библиотека* т. III. стр. 230. Снимки древн. русск. печат. М. 1882. Таб. 67. См. *Н. Лихачева. Дѣло о прїездѣ въ Москву Антонія Поссевина.* Спб. 1893. стр. 129.

Важнѣйшимъ видоизмѣненіемъ двухсторонней печати Іоанна III было соединеніе въ одно обѣихъ составныхъ частей ея, т. е. всадника стали изображать на щитѣ, на груди орла, что и дало печати характеръ законченнаго герба. Впервые печать и золотыя монеты съ такимъ соединеніемъ встрѣчаются въ царствованіе Іоанна IV Грознаго. Затѣмъ мы видимъ печати съ такимъ же соединеннымъ изображеніемъ орла со всадникомъ въ царствованіе Феодора Іоанновича, обоихъ Лжедмитріевъ и царя Михаила Феодоровича.

Изъ частныхъ дополненій герба Іоанна III-го важнѣйшее состояло въ томъ, что вокругъ двуглаваго орла стали изображать гербы главныхъ областей, присоединенныхъ къ Московскому государству. Первый примѣръ герба съ такимъ дополненіемъ сохранился на печати царя Іоанна IV Грознаго, которая находится при грамотѣ перваго Лжедмитрія къ его тестю, Юрію Мнишекъ. На этой печати, вокругъ двуглаваго орла съ всадникомъ на груди, изображены печати, или гербы областей: Казанской, Псковской, Тверской, Пермской, Болгарской, Черниговской, Нижегородской, Вятской, Югорской, Смоленской, Астраханской и Новгородской (Таб. Ж ф. 6) ¹⁾. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ большой государственной печати гербы отдѣльныхъ областей замѣнены болѣе общими эмблемами, именно: на правой сторонѣ изображены три городка и надъ ними буквы *В. М. и Б.*, т. е. *Великая, Малая и Бѣлая* Россія; а на лѣвой сторонѣ отъ орла другіе три городка съ буквами *В. З. и С.*, т. е. *Восточная, Западная и Сѣверная* страны. Подъ орломъ помѣщенъ эмблематическій знакъ «отчича и дядича», (два прапора, между которыми помѣщены *въ столбъ* 4 равноконечныхъ крестика), охраняемый съ каждой стороны 5-ю вооруженными воинами. Надъ орломъ—три короны, которыя, по официальному объясненію того времени, обоз-

¹⁾ Надъ орломъ уже на государственной печати Іоанна Грознаго появляется посредникъ *корона*, которая однако становится *постояннымъ атрибутомъ* двуглаваго орла лишь со времени царя Михаила Феодоровича. Въ окружной царской грамотѣ 1625 г. о *отланіи* новой государственной печати (изд. въ ч. II. № 70. Собр. Госуд. Грамоты и договоровъ), говорится: „а что у нашей прежней печати были *промежъ главъ орловыхъ* слова, и нынѣ у новыя наша печати *словъ* нѣтъ, а надъ *главами* у орла—*хоруна*“. Так. обр. съ этихъ поръ орелъ получаетъ 3 короны.

начали «три великихъ славныхъ царства: Казанское, Астраханское и Сибирское»¹⁾.

Упомянемъ о другомъ вариантѣ государственнаго герба, сдѣланномъ при Іоаннѣ IV Грозномъ: онъ состоялъ въ присоединеніи къ двуглавному орлу „единорога“, особенно на двухстороннихъ печатяхъ²⁾. При этомъ на одной сторонѣ печати изображался орелъ со всадникомъ на груди, а на другой сторонѣ—орелъ съ фигурою единорога, (вмѣсто всадника) Такая усложненная форма герба встрѣчается и въ царствованіе Бориса Годунова и царей Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича. Мы уже упоминали о томъ, что единорогъ является эмблемою на частной печати Іоанна Грознаго. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, при геральдизаціи государственнаго герба, рѣшительное предпочтеніе дано было изображенію всадника, и съ этихъ поръ эмблема единорога исчезаетъ отсюда окончательно.

Та же форма и тѣ-же изображенія, какія находились на большой печати царя Алексѣя Михайловича, сохранились также на государственныхъ печатяхъ Феодора Алексѣевича и первыхъ годовъ царствованія Петра. Гораздо полнѣе атрибуты въ государственномъ гербѣ, приложенномъ къ дневнику иностранца *Корба*, бывшаго въ Россіи въ концѣ XVII вѣка: здѣсь мы видимъ на груди орла—Московскій гербъ; на правомъ крылѣ его—знамена: Кіевское, Новгородское и Астраханское, а на лѣвомъ—Владимірское, Казанское и Сибирское. Вокругъ всего герба, на особыхъ щиткахъ—26 другихъ гербовъ областей и городовъ, упоминаемыхъ въ титулѣ Русскаго Царя, ему принадлежащихъ, равно и тѣхъ областей, на которыя Россія имѣла притязаніе. (Таб. 3).

По мѣрѣ увеличенія предѣловъ Россіи должны были измѣняться и гербы, окружающіе двуглаваго орла: гербы городовъ, прежнихъ столицъ княжествъ, уступили мѣсто гербамъ отдѣльныхъ царствъ и государствъ, присоединенныхъ къ Россіи. Въ

¹⁾ См. статьи наказа, даннаго переводчику Посольскаго приказа Василю *Боушу* въ 1667 г. изд. въ ч. IV. № 57. *Собр. Госуд. Грам. и договоровъ*. Три короны, вѣнчающія двуглаваго орла, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ стали по формѣ ближе подходить къ шапкѣ Мономаха.

²⁾ См. *Таб. Ж ф. 1.*

настоящее время на правомъ крылѣ орла, въ государственномъ гербѣ помѣщаются гербы царствъ: Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, а на лѣвомъ — царствъ: Польскаго, Таврическаго и великаго княжества Финляндскаго. Въ большой же государственной печати, кромѣ того, вокругъ щита — гербы всѣхъ прочихъ губерній и областей.

Три царскія короны, вѣнчающія двуглаваго орла, при Петрѣ I измѣнены были, съ принятіемъ имъ императорскаго титула, въ императорскія.

Кромѣ государственной печати, весьма важный матеріалъ по изученію вопроса о возникновеніи областныхъ и городскихъ гербовъ представляютъ: «Снимки съ древнихъ русскихъ печатей, изданные Коммиссіей печатанія Госуд. грамотъ и договоровъ при Гл. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ», а также помѣщенные въ «Сборникъ съ древнихъ печатей Моск. Арх. М. Юстиціи», изд. Ивановымъ. Въ приложеніи приводимъ интересную въ этомъ же отношеніи архивную *рупись* 1656 г. *печатей Сибирскихъ городовъ*, съ описаніемъ ихъ гербовъ, времени царя Алексѣя Михайловича. ¹⁾

Замѣчательнъ также для государственной геральдики XVII-го вѣка сохраняющійся въ Оружейной Палатѣ царскій *сайдачный покровецъ* (№ 6356). Въ серединѣ его вышитъ волоченымъ золотомъ и жемчугомъ двуглавый орелъ съ Московскимъ гербомъ на щиткѣ; вокругъ покровца, на красной атласной коймѣ, въ щитахъ, обнизанныхъ жемчугомъ, вышиты гербы: Казанскій, Астраханскій, Сибирскій, Новгородскій, Псковской, Тверской, Пермскій, Вятскій, Болгарскій, Нижегородскій, Рязанскій и Ростовскій ²⁾.

Наконецъ, заслуживаетъ вниманія сохраняющаяся тамъ-же *тарелка царя Алексѣя Михайловича* (*Древн. Государ. Росс. Отд. V. № 42*); на ней также изображены финифтью: въ сре-

¹⁾ Документъ этотъ любезно сообщенъ намъ А. В. Орминиковымъ.

²⁾ На *Таб. Ж* мы даемъ взятыя съ этого покровца изображенія гербовъ: ф. 7—Новгородскаго, ф. 8—Сибирскаго ф. 9—Тверскаго и ф. 10—Псковскаго. Лакиеръ ошибочно считаетъ этотъ покровецъ принадлежащимъ къ трону царя Михаила Ѳеодоровича. Въ описи 1687 г. онъ значится, какъ покровецъ *сайдачный, большого наряда* и, слѣдовательно, никакого отношенія къ означенному царскому трону не имѣеть.

динѣ—государственный гербъ, а по краямъ, въ орнаментѣ—16 гербовъ, каждый въ особомъ щитѣ. Гербы главныхъ княжествъ, (въ томъ числѣ Смоленскаго), изображены здѣсь въ большихъ щитахъ, подъ особыми коронами (Таб. Ж ф. 2), а гербы второстепенныхъ—въ малыхъ щитахъ. Здѣсь видна уже попытка изобразить гербы *въ краскахъ*, чего прежде не было, (см. также Таб. Ж ф. 3. 4. 5).

Изъ всего сказаннаго становится яснымъ, что историческимъ началомъ русской геральдики слѣдуетъ признать *постепенное развитіе государственнаго герба* и геральдизацію вошедшихъ въ его составъ областныхъ печатей, которыя отчасти вошли затѣмъ и въ княжескіе гербы.

Орелъ въ русскомъ государственномъ гербѣ съ конца XV вѣка есть двуглавый, черный; измѣнялось лишь положеніе крыльевъ его. На печати Іоанна III мы видимъ его съ опущенными крыльями. Такая форма ихъ оставалась безъ измѣненія до конца XVI вѣка; затѣмъ орелъ съ распушенными крыльями появляется на нѣкоторыхъ печатяхъ Лжедмитрія, но въ гербѣ временъ царя Михаила Ѳеодоровича они опять спущены. Наконецъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, когда окончательно сложился нашъ государственный гербъ, орелъ сталъ изображаться съ распростертыми крыльями. Въ концѣ XVII вѣка геральдическій типъ двуглаваго орла является уже вполне выработаннымъ; таковымъ мы встречаемъ его напр. на *стрѣльцкомъ знамени конца XVII в.* (№ 4143), хранящемся въ Оружейной палатѣ: здѣсь орелъ весьма приближается по своему типу къ нынѣшнему, и въ рисунокѣ и окраскѣ его замѣтенъ уже геральдическій отпечатокъ; (такъ напр. *вооруженія* орла имѣютъ особый цвѣтъ). Орелъ изображенъ здѣсь безъ сердцеваго щитка. (Таб. К ф. 7). Изъ другихъ дополненій государственнаго герба укажемъ еще на то, что съ вел. князя Василя Іоанновича главы орла стали изображаться съ открытыми клювами и съ выдающимися изъ послѣднихъ языками и что со временъ царя Михаила Ѳеодоровича въ лапахъ орла стали изображать иногда *скипетръ* и *державу*; (это, впрочемъ, не считалось существеннымъ даже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ).

Что же касается *всадника* въ Московскомъ гербѣ, помещаемомъ на груди орла, то въ изображеніи такового долгое время существовала неустойчивость: всадникъ, колющій змія, изображался въ различныхъ одѣяніяхъ, обращеннымъ чаще влѣво (геральдически), но иногда и вправо. Притомъ и самое значеніе его бывало еще тогда различное: такъ напр. онъ часто олицетворялъ самого великаго князя, или его наследника ¹⁾. Царь Алексѣй Михайловичъ, выписавъ изъ Австріи императорскаго герольдмейстера Лаврентія Хурелевича, поручилъ ему точнѣе формулировать русскій государственный гербъ. Въ 1667 г., для скрѣпленія мирнаго Андрусовскаго договора съ Польшею, сдѣлана была новая большая царская печать и вмѣстѣ съ тѣмъ издано узаконеніе, разъясняющее значеніе изображеннаго на ней государственнаго герба, которое мы уже приводили выше.

Такимъ образомъ мы видимъ, что государственная печать Московскихъ царей слагалась путемъ чисто историческимъ и *развилась въ гербъ* подъ западнымъ вліяніемъ.

Ознакомившись съ исторіей нашего государственнаго герба, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о развитіи у насъ понятія о *частномъ гербѣ*. Здѣсь мы также встрѣчаемъ первоначальную *сфрагистическую* эпоху, предшествовавшую *геральдической*. До насъ дошелъ длинный рядъ печатей намѣстниковъ, воеводъ, судей, писцовъ, губныхъ старостъ, городскихъ приказчиковъ и т. д., свидѣтельствующихъ объ употребленіи на официальныхъ актахъ по должности *личныхъ печатей* самыхъ разнообразныхъ изображеній. Въ этомъ числѣ мы встрѣчаемъ печати нѣсколькихъ Большихъ Дворецкихъ, т. е. начальниковъ Большаго Дворца, каковы напр. печати *боярина Никиты Романо-*

---

¹⁾ До самаго конца XVII вѣка изображеніе всадника въ гербѣ никогда не признавалось у насъ за изображеніе *св. Георгія*, но извѣстно было подъ простымъ названіемъ „*вздока*“ (вздока). *Лакиеръ* считаетъ вѣроятнымъ заимствованіе изображенія этого скачущаго всадника въ первоначальной его формѣ, т. е. съ занесенною въ рукѣ саблюю, изъ Литовскаго герба „*Логони*“, съ которымъ онъ имѣетъ весьма много общаго. Этому заимствованію могъ способствовать бракъ в. к. Василя Дмитріевича на литовскоѣ княжнѣ Софіи Витовтовнѣ. См. *Русская Геральдика*, стр. 117—118. *Заюскинъ*. *Исторія права Московскаго государства*, стр. 201—202.

вича Юрвева (*Сборн. снимковъ древн. печат. Иванова* № 100. 1565 г.), князя *Θ. И. Хворостинина* (*ibid.* № 116—1576 г.), боярина *Григорія Вас. Годунова* (№№ 132, 143—1586—94 гг.), перешедшая по наслѣдству къ его брату, Степану Вас. *Годунову* (1605 г.)

Особое значеніе имѣли печати царскихъ пословъ при посольскихъ съѣздахъ съ иноземцами. Нѣкоторые документы при этомъ печатались частными печатями русскихъ дипломатовъ, посланныхъ на съѣздъ; печати эти, за полную произвольностью изображеній на нихъ, предварительно показывались государю. Тагія печати мы видимъ напр. на договорной записи, заключенной со Шведами въ 1585 г. на посольскомъ съѣздѣ на р. Наровѣ; ихъ три, по числу пословъ. На печати князя Федора Дмитриевича *Шестунова-Ярославскаго* изображенъ конный стрѣлецъ, съ подробною подписью вобругъ; на другой печати, думнаго дворянина Игнатія *Татищева* — изображение Самсона, раздирающаго пасть льва; наконецъ, на третьей, дьяка Петра *Тіунова* — ангелъ, ведущій за собою на цѣпи льва. (См. *Снимки древн. русск. печатей*, изд. *Комм. печ. грам. и договоровъ* №№ 87. 88. 86).

Замѣтимъ, что еще съ конца XVI-го вѣка представители нѣкоторыхъ княжескихъ нашихъ фамилій, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Польши, начинаютъ пользоваться печатями съ эмблемами геральдическаго типа. Какъ извѣстно, князь Андрей Михайловичъ *Курбскій-Ярославскій*, бѣжавшій отъ Іоанна Грознаго въ Литву, геральдизировалъ свою печать, которая утверждена была за его родомъ польскимъ королемъ: это такъ наз. гербъ *Левъ*, въ которомъ этотъ послѣдній изображенъ возстающимъ и обращеннымъ вправо, въ червленомъ полѣ¹⁾. Позднѣйшее объясненіе этого герба, данное въ XVII в. *Окомскимъ*, едва ли можетъ считаться достовѣрнымъ, ибо, какъ мы видѣли, гербы литовскихъ и русскихъ княжескихъ фамилій вел. княжества литовскаго обыкновенно не давались вновь, а лишь утверждались за ними королями польскими. Но помимо этого примѣра, который

¹⁾ См. *Herbarz Rycerstwa Litéwskiego* — Kojalowicza, изд. *Лекосинскимъ*, стр. 144.

можетъ быть признанъ исключительнымъ, мы имѣемъ еще и другіе. Такъ напр., намъ извѣстно, что въ 1611 году князь Ѳеодоръ Ивановичъ *Мстиславскій* пользовался печатью, рѣзанной для него, вѣроятно, какимъ-нибудь иностранцемъ, *по вѣлѣнью правителя геральдики*. Мы видимъ здѣсь въ гербовомъ щитѣ *коронованнаго льва*, а надъ щитомъ буквы: *F. D. G. D. M.*, обозначающія, по объясненію *Н. П. Лихачева*, что Мстиславскій былъ „*Dei gratia dux*“. Печать эта приложена къ отвѣтной грамотѣ, писанной отъ управлявшихъ государствомъ бояръ къ польскому королю Сигизмунду, въ январѣ 1611 г.¹⁾ Другая извѣстная намъ печать геральдическаго типа принадлежитъ знаменитому князю Дмитрію Михайловичу *Пожарскому-Стародубскому* и относится къ 1612 г. На ней мы видимъ геральдическій щитъ, въ видѣ картуша, съ изображеніемъ одноглаваго орла съ поднятыми крыльями, обращеннаго влѣво и клюющаго мертвую голову (*Снимки древн. русск. печатей*, изд. 1882 г. № 90). Такая печать имѣетъ совершенно случайный характеръ, не соответствуя знамени *Стародубскаго* княжества, изображавшему *старый дубъ*: эту послѣднюю эмблему мы встрѣчаемъ въ другой, позднѣйшей печати, князя Михаила Григорьевича *Ромодановскаго Стародубскаго*, 1689 г. (дубъ, подъ нимъ медвѣдь, влѣво идущій)²⁾. Но подобныхъ, извѣстныхъ примѣровъ мы могли бы привести еще нѣсколько. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что выборъ эмблемъ на русскихъ печатяхъ XV—XVII вв. поражаетъ своимъ разнообразіемъ и часто полною неожиданностью; эмблемы эти имѣютъ въ большинствѣ своемъ случайный характеръ. Это объясняется тѣмъ, что печати Московской Руси не были гербами и не претендовали даже на такое значеніе.

„Въ то время, говоритъ нашъ ученый изслѣдователь

¹⁾ Напечат. въ *Собр. Госуд. грам. и договоровъ* ч. II. № 222. Любопытна также гербовая печать, приложенная къ свидѣтельству самозванца *Тимошки Акиндинова*, выдававшего себя за сына царя *Василія Шуйскаго*, князя Ивана. Къ свидѣтельству этому, данному имъ въ Венеціи въ 1648 г., приложена печать съ изображеніемъ фантастическаго герба, заключающаго эмблемы: *медведя, льва, креста, стрѣлы, звѣзды, лука и поцвѣтника*. Тамъ же ч. III, № 132.

²⁾ *Ibid.* № 100.

Н. П. Лихачев ¹⁾, какъ западная европейская сфрагистика *тѣсно сроднилась съ геральдикой* и выработала цѣлую систему правилъ о типахъ, формѣ, величинѣ печатей, русская сфрагистика не поддается систематизаціи. Мало того, въ этой сфрагистикѣ мы видимъ полное отсутствіе того консерватизма, того пристрастія къ старымъ формамъ, въ которыхъ такъ часто, (и нерѣдко произвольно), упрекають до-Петровскую Русь. Московское правитель-ство и его чиновники быстро забыли византійскія преданія, замѣтныя въ древнѣйшихъ печатяхъ. Въ частныхъ печатяхъ мы видимъ невозбранное привнесеніе всякихъ новшествъ. Старыя геммы и разные домашней работы птицы и звѣри свободно замѣнились гербовыми щитами съ произвольно взятыми эмблемами. Никакого сходства съ позднѣйшими гербами мы не замѣчаемъ: *дворянская геральдика искусственно сочинена была въ исходѣ XVII вѣка*, и знаменитѣйшіе дѣятели Московской Руси пользо-вались разнообразными печатями, не помышляя о родовыхъ гербахъ. Мало того, такіе роды, какъ напр. *князья Глинскіе*, какъ бы утрачиваютъ у насъ память о своемъ гербѣ“.

Подобный отрицательный взглядъ на сфрагистическія основы русской геральдики находитъ себѣ вѣскую опору въ свидѣтель-ствѣ извѣстнаго *Котошихина*, въ его сочиненіи *о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича*. Свидѣтельство это для насъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что авторъ, бывъ за границею, уже имѣлъ точное и вѣрное понятіе о гербахъ и прямо различаетъ ихъ отъ печатей. „А кому царь, пишетъ онъ, похочетъ вновь дать боярство и окольнічество и думное дворянство изъ столянниковъ и изъ дворянъ, или дворянина изъ дворовыхъ всякихъ чиновъ, или изъ военныхъ людей, и такимъ даетъ честь и службу, по своему разсмотрѣнію, кто въ какой чинъ и честь годенъ. А грамотъ и гербовъ на дворянство ихъ и на боярство никому не даетъ, *потому что гербовъ никакому челоуѣку изложити не могутъ*, да не тоѣмо кому боярину, или иному челоуѣку не да-ются гербы, но и самъ царь гербомъ своимъ Московскимъ печатается на грамотахъ въ христіанскія государства не истиннымъ

¹⁾ *Дѣло о пріѣздѣ въ Москву А. Поссемина*, стр. 139 и слѣд.

своимъ прямымъ, а печатается своимъ истиннымъ гербомъ къ Крымскому хану и Калмыкамъ; также и у старыхъ родовъ князей и бояръ и у новыхъ, *истинныхъ своихъ печатей нѣтъ*, да не токмо у князей и бояръ и иныхъ чиновъ, но и у всякаго чину людей Московскаго государства *гербовъ не бываетъ*; а когда лучшется кому къ какому письму, или посломъ къ посольскимъ дѣламъ, прикладывать печати, и они прикладываютъ, *какая у кого печать прилучилась, а не породная*". (Гл. II, ст. 12).

Нельзя впрочемъ вполне согласиться съ вышеприведеннымъ взглядомъ *Лихачева*, что вся наша дворянская геральдика въ исходѣ XVII вѣка была *искусственно сочинена*. Послѣ того, какъ писалъ Котошихинъ, въ царствованіе Θεодора Алексѣевича распространеніе польскихъ обычаевъ у насъ замѣтно усилилось подъ вліяніемъ южно-русской книжности, а можетъ быть также и вслѣдствіе брака царя съ Агаеіей Грушецкой, происходившей изъ польскаго шляхетства. Къ этому именно времени относится первое появленіе у насъ гербовъ, которые по большей части *заимствовались* тогда изъ *польскихъ* источниковъ, какъ напр. изъ „*Гербовника шляхетскаго, Польскаго и Литовскаго народа*“, *Окольскаго*, изданнаго въ Краковѣ въ 1641 г. на латинскомъ языкѣ и появившагося тогда въ Посольскомъ приказѣ *для справокъ*. Подобное *заимствование польскихъ гербовъ*, какъ мы видѣли, было весьма распространено и въ Литвѣ, и южной Руси, и поэтому подражаніе таковому у насъ являлось весьма естественнымъ и ему недоставало только санкціи со стороны высшей власти. Въ это же время и наши родовитыя княжескія фамиліи, происходившія отъ удѣльныхъ князей, Рюриковичей, а также отъ Гедимины, стали употреблять на своихъ печатяхъ гербы, образовавшіеся изъ древнихъ княжескихъ *знаменъ*. Намъ извѣстно нѣсколько подобныхъ, вполне геральдическихъ печатей частныхъ лицъ XVII вѣка, которыя заключаютъ эмблемы, дѣйствительно перешедшія затѣмъ въ наследственные гербы тѣхъ же фамилій. Таковы напр. печати: князя Василія Васильевича *Голицына* 1684 г. (*погонь*, обращ. влѣво, въ польской стилизаціи); князя Аврама Никитича *Примкова-Ростовскаго* 1687—92 г. (въ щитѣ, увѣнч. княжескою шапкою, бѣгущій вправо *олень*); Алексѣя Пе-

тровича *Салтыкова* 1684 г. (въ щитѣ — *одноглавый орелъ*); Прокопія Богдановича *Возницына* 1688 г. (въ гербовомъ щитѣ, съ шлемомъ и намѣтомъ — *шестеющий волъ*; послѣдній повторяется также и въ нашлемникѣ), и др.¹⁾. Мы встрѣчаемъ также въ это время гербы на нѣкоторыхъ цѣнныхъ предметахъ утвари, какъ напр. гербъ князей *Волконскихъ*, (съ датю 1696 г.) на серебряныхъ братинѣ и блюдѣ²⁾ и т. под.

Учреждая герольдію, (по мысли барона *Гейзена*), Петръ Великій въ своемъ указѣ упоминаетъ о гербахъ, какъ о чемъ-то уже существующемъ у насъ. „Въ архивахъ нашихъ, говоритъ *Лакіеръ*, хранятся цѣлыя производства, возникшія тотчасъ послѣ уничтоженія мѣстничества и сожженія разрядовъ, при представленіи *выпзжими родами* доказательствъ о благородномъ происхожденіи, дававшемъ имъ право на внесеніе въ родословную книгу. Такимъ образомъ въ послѣдней четверти XVII вѣка учрежденіе гербовъ было уже въ ходу, дѣленія герба и лучшія геральдическія сочиненія были извѣстны и когда издавался указъ, чтобы *каждый благородный имѣлъ гербъ*, цѣль законодателя была, на оборотъ, ограничить излишнее число гербовъ и противозаконное употребленіе ихъ тѣми, которые не имѣли на это отличіе права. А въ 1722 г. Петръ Великій прямо говоритъ, что возводить въ дворянство и жаловать гербомъ и печатью можетъ одинъ только Государь. Тогда же установлена была имъ должность герольдмейстера. Есть положительные факты, которые подтверждаютъ мысль, прямо впрочемъ вытекающую изъ словъ указа, что Петръ Великій засталъ уже у насъ гербы“³⁾.

Въ нашей геральдикѣ позднѣйшаго періода дворянскіе гербы дѣйствительно стали уже *сочиняться*, болѣе или менѣе удачно. Почтенная и талантливая попытка *Лакіера* установить при ихъ систематизаціи твердыя начала, основанныя на *происхожденіи* русскихъ дворянскихъ фамилій, не можетъ быть признана вполне

1) См. *Снимки древнихъ русск. печатей*, изд. 1882 г. №№ 93, 98, 97, 99 и другіе.

2) См. *Художества. Сокровища Россіи* 1905 г. вып. I, стр. 19.

3) Для изученія нашей геральдики *Петровскаго періода* имѣетъ важное значеніе рукописный *Гербовникъ Князева*, сохраняющийся въ бібліотекѣ Казанскаго Университета.

удачною и примѣнимою. Если первоначально извѣстныя правила при выборѣ гербовыхъ эмблемъ и соблюдались, то впоследствии таковыя были совершенно забыты, и гербы у насъ стали сочиняться совершенно произвольно и безо всякаго соблюденія геральдическаго стиля, представляя лишь продуктъ такъ наз. *канцелярской* геральдики. Къ таковой должны быть отнесены также въ большинствѣ случаевъ и сочиненныя въ началѣ XVII столѣтія графомъ *Санти* (1727 г.) гербы городовъ, (за исключеніемъ лишь *древнихъ* городскихъ гербовъ, происшедшихъ отъ печатей). Задачею нашей русской геральдики въ будущемъ, по нашему мнѣнію, является по мѣрѣ возможности исправить допущенное безвкусіе и выработать въ нашихъ городскихъ и дворянскихъ гербахъ, при помощи художественной археологіи, болѣе свойственныя ей типы фигуръ, согласуя ихъ, конечно, съ общепринятыми геральдическими правилами.

При составленіи же *новыхъ* гербовъ казалось бы возможнымъ и допустимымъ примѣнять у насъ въ таковыхъ иногда нѣкоторыя русскія эмблемы, (напр. *птицу—сирину, замаюна, барса, китовраса*, различныя фигуры, заимствованныя изъ древнерусскаго военнаго и гражданскаго быта, и т. под.; наконецъ, нѣкоторыя священныя изображенія, столь употребительныя у насъ въ старину, въ древней стилизаціи). Это дало бы русской геральдикѣ свой оригинальный и притомъ болѣе обоснованный, *національный* отпечатокъ. Подобныя типы фигуръ могли бы заимствоваться нашею геральдикой изъ русскихъ художественныхъ памятниковъ XVI и XVII-го столѣтій, т. е. изъ той эпохи, когда у насъ впервые стали выработываться геральдическія эмблемы. Другую характеристичную особенность нашей геральдики могло бы представить болѣе частое введеніе въ нее, въ видѣ гербовыхъ фигуръ, различныхъ *родовыхъ знаковъ* и *тамговъ* для признаваемыхъ въ дворянскомъ достоинствѣ фамилій *монгольскаго* происхожденія, а также *кавказскихъ* и другихъ инородческихъ родовъ, какъ мы видимъ это напр. въ гербѣ киргизскихъ князей *Чингисовъ* ¹⁾).

¹⁾ Даетъ описаніе этого герба, Высочайше утвержденнаго въ 1873 году: щитъ раздѣленъ на три части перпендикуляромъ. Въ первой части (*лапоть*), въ

Въ заключеніе нашихъ лекцій не излишнимъ будетъ привести взглядъ одного изъ лучшихъ нѣмецкихъ геральдистовъ, *Сакена* на задачи современной геральдики.

Гербы, вполне удовлетворяющіе основнымъ правиламъ геральдики, говоритъ онъ, встрѣчаются въ настоящее время весьма рѣдко; въ большинствѣ же ихъ замѣчается отсутствіе вкуса эпохи *Рококо* и недостатокъ стиля послѣдующаго времени. Если же геральдика должна соответствовать своимъ существеннымъ задачамъ и особенностямъ, то ей слѣдуетъ возвратиться къ основнымъ положеніямъ и законамъ и на этихъ историческихъ ея основахъ выработать геральдическое искусство въ духѣ лучшей эпохи его процвѣтанія.

Для достиженія этого слѣдуетъ, чтобы научное изученіе гербовъ — *гербовѣдѣніе* и *геральдическое искусство* въ точнѣйшемъ его смыслѣ — шли рука объ руку. Первое должно разрабатывать законы и положенія, раздѣлять существенное въ гербахъ отъ произвольныхъ придатковъ и выяснять такимъ образомъ истинное значеніе и смыслъ геральдики. Съ этою цѣлью гербовѣдѣніе излагаетъ исторію развитія геральдическаго искусства и указываетъ на значеніе фигуръ и ихъ отношеніе къ жизни. Такимъ образомъ наука даетъ художнику матеріалъ въ руки; ему же предоставляется задача усвоить идею и истинный стиль изображенія и, вдохновившись ею, создать вполне геральдическій и правильный рисунокъ герба.

черномъ полѣ—лукъ и стрѣлы, какъ оружіе, обычное у Киргизовъ; во второй (правой нижней) въ лазоревомъ полѣ—серебряный знакъ (X) *тамга Чингизъ-хана*, указывающая происхожденіе княжескаго рода отъ этого завоевателя; а въ третьей части (лѣвой нижней) въ красномъ полѣ—*тамга Букеева рода* (П) золотая. Щитодержатели—воины въ восточномъ вооруженіи.